

Статья печатается — 1996, — ноябрь, — № 4, — с. 4

МИР ИСКУССТВА

Мир людей искусства, очень увлеченных и поглощенных своим творчеством, своеобразен и многолик. Казалось бы, актеры, режиссеры, музыканты, художники, писатели ничем не отличаются от людей других профессий. У всех свои драмы и тайны, заботы и волнения. И все-таки, несмотря на кажущееся сходство, они иные, особенные. У людей искусства особая «интонация» — в речи, в манерах, в одежде, а главное — в стиле их жизни. Они удивительно ранимые. И непосредственные как дети, хотя мудростью их бог не обделил. У каждого из них своя философия жизни и творчества. Понять ее нам представляется важным и интересным, так как часто лучшие

представители искусства опережали время и предсказывали многое из того, что происходит сегодня и что ждет нас завтра.

Они очень разные — люди искусства. Звезды и дебютанты, люди прославленные и по несправедливости забытые. К одним из них популярность пришла в зрелом возрасте, к другим — в юности.

Зачастую громкая актерская или музыкальная фамилия — это целая династия, клан, сама история. Не музейная или академическая, а та, которая полна живых традиций, семейных легенд и анекдотических случаев. Эта «связь времен» нам всегда интересна.

ИВАН ОХЛОБЫСТИН ПОД ЗНАКОМ %

Иван Иванович Охлобыстин родился в 1966 году. Место рождения — Таруса. В 1984 году поступил во ВГИК. Отслужил в армии. В 1992 году закончил институт.

Его дипломная работа — короткометражный фильм «Разрушитель волн» — удостоен приза за высокий профессионализм и приза зрительских симпатий на международных фестивалях в Чикаго, Потсдаме и других городах мира.

Актерский дебют Вани, так его называют друзья, — роль Мартына в фильме Никиты Тягунова «Нога». Эта работа

удостоена первого приза на фестивале «Молодость» в Киеве (1991 год).

Режиссерский дебют Вани Охлобыстина — фильм «Арбитр» — представлен как одна из лучших кинолент в номинации «Кино XXI века».

Сценарий Вани к фильму «Урод» режиссера Э. Качанова получил приз на фестивале «Кинотавр» в 1994 году.

Иван — один из организаторов и руководителей программы «Проект-2003», в которой работают модные и престижные художники, режиссеры, актеры, сценаристы и экономисты. Группа «Про-

ект-2003» создает банк новых идей и культурных проектов, часть из которых уже реализована.

Его последняя актерская работа в кино — фильм Киры Муратовой «Грустная история», в котором он снимался с Ренатой Литвиновой.

Ваня хорошо известен в молодежно-тусовочных кругах. Пресса его окрестила «культурной фигурой». Он с таким определением не согласен. Считает себя, скорее, просто искренним.

Пишет сценарии, но сам не любит их снимать. Объясняет

это тем, что пока работает над ними, меняется сам, и история сюжета ему становится неинтересной. Убежден, что кино надо снимать только искренно. Так же, как нельзя молиться богу, если не веришь в него.

Считает, что знание — своего рода наркотик. Сначала стремишься к нему, а потом, когда приобретаешь, возникает иллюзия могущества. Чем больше знаешь об искусстве, тем труднее его создавать.

На предложение немного поговорить о себе, кратко ответил: «Клево».

— Ваня, ваше выступление сразу в трех ипостасях — актер, режиссер и сценарист — это семейная традиция?

— Отнюдь. У меня в семье почти все военные врачи. Если бы не кино, я стал бы врачом, мне нравится эта благородная профессия. А еще я люблю армию.

— Вы росли в семье, где, наверное, блюли дисциплину?

— Да, в семье меня особенно не баловали. До третьего класса жил с бабушкой: отец, будучи военным, постоянно бывал в командировках. А потом жил с отцом, то с мамой. Мама меня, конечно, баловала, но, вообще-то, она у меня дама строгая. А отец спрашивал с меня как со взрослого человека (иногда даже слишком взрослого).

Помню, он, например, запрещал мне класть руки в карманы: нужно было держать осанку. Я рос довольно послушным мальчиком, но свое поведение варьировал в зависимости от того, с кем из родителей жил в данный момент. С бабушкой была стихия, а с отцом понимал, бороться за свободу бессмысленно, потому как я был уже ответственный сам за себя. С мамой — половина на половину.

— Чем определен ваш выбор в жизни?

— В детстве, в восьмом классе, мечтал стать одновременно летчиком и клоуном. Я обожал цирк, его волшебную ауру. Мне нравилось, что там все смеется, видимо, уже тогда понимал, что положительные эмоции очень полезны. С животными мне тоже хотелось работать: романтично, но и жалко их. Гимнасты у меня восхищения не вызывали. Зато клоун был для меня центральной фигурой. Поэтому, когда подрос, хотел иметь возможность сочетать в себе и актера, и сценариста — отчасти то или другое меня не устраивало. Так решил стать кинорежиссером.

— Итак, Ваня, после окончания школы вы поступили во ВГИК?

— Сразу же поступал, но не сразу поступил. Сдал все экзамены хорошо, но мне популярно объяснили, что я слишком молод, все равно пойду в армию — незачем занимать место другого студента. По глупости забрал документы: больно искренним был тогда, да и слегка «чегеваристым». Зато когда я поступал на следующий год, узнал, что на мое место взяли моего ровесника, но это уже отдельная история.

Взял меня к себе в мастерскую Игорь Таланкин (его не смущало то, что я молод). После армии я вернулся во ВГИК. Профессионально институт я закончил раньше, чем это произошло формально.

— А как начиналась ваша актерская судьба?

— Спонтанно. Когда я готовил дипломную работу, ко мне пришел Никита Тягунов и предложил сняться у него в фильме. Дело было летом. Съемки проходили на юге. Я подумал: выйдет ли фильм на экран, неизвестно, но, по крайней мере, на халяву съезжу на юг. Согласился. А потом на «Кинотавре» мне дали приз за лучшую роль. Вот так я начал актерствовать.

Хочется серьезное сыграть, психологическое, где нужно не кривляться, а переживать. Я, признаюсь, поклонник школы Станиславского, а не Михаила Чехова. Вокруг Станиславского и его «школы переживаний» сложился какой-то нездоровый дамский ажиотаж. На деле же это довольно четкая, механистическая система о том, как входить в образ, как вызвать определенные переживания. Мое отношение к системе Станиславского можно сравнить с отношением фрезеровщика к правилам работы со станком. Школа Михаила Чехова — это увлечение психоанализом, мне она кажется поверхностной. Станиславский исходил из простых движений души, подобно Павлову с его подопытными собачками. Михаил Чехов относился к актерскому мастерству, как убийца Чикатило к девочкам-нифеткам.

— Ваня, вы удовлетворены работой над ролью Сержа Лифаря в фильме «Мания Жизели»?

— Да, мне было очень приятно работать в фильме Алексея Учителя. Снимали его в Петербурге, работали вместе с моими друзьями. Да и сама стилистика фильма мне очень близка.

— Какой из ваших профессий вы отдаете приоритет?

— Моя главная профессия — режиссер. Я этому много учился и немало об этом знаю. Но в режиссуре я нереализованный человек, ведь это преимущественно технология, искусство начинается после того, как выстроен основной профессиональный пласт. А для того, чтобы выстроить и освоить эту технологию, необходимо снимать, снимать и еще раз снимать. А сейчас у меня, как, впрочем, и у многих других режиссеров, такой возможности нет.

— У шестидесятников, оставивших значительный след в кинематографе, были определенные идеи, критерии, принципы, которые они отстаивали. А у вашего поколения?

— Отсутствие идеологии среди молодых — проблема, нам не на что опираться. Поэтому люди моего поколения создают свою идеологию, к примеру, рок-н-рольную или эстетствующую. Я, например, на последнем этапе рок-н-ролла.

— Что для вас важнее в кино: стилистика, почерк или идея?

— Говорить, что внешняя форма преобладает над внутренней, — это открытое жеманство. Содержание всегда важнее, чем внешность. Сейчас преобладает в кинематографе внешняя форма. Когда из духовных интеллектуальных достижений представителей моего поколения будет составлена единая мировоззренческая платформа, тогда-то и появится внутреннее содержание.

— Исходя из этих критериев как вы оцениваете постановку Михаилом Ефремовым вашей пьесы «Злодейка, или Крик дельфина» на сцене МХАТа?

— 50 на 50. Но этот спектакль был своевременен. Это история, рассказанная поколением тридцатилетних о себе. История грустная и суровая, с иронией и печалью неосуществленных желаний.

— Вы — человек рискованный?

— В некоторых отношениях — да. Но у меня довольно флегматичный риск, сопряженный с профессией, вынужденный. Нельзя говорить со зрителем о том, чего ты не знаешь. Можно полагать, что этого никто не знает, но если есть потенциальная аудитория, то ты должен знать, о чем говоришь с людьми.

— Как вы — человек, нередко шокирующий окружающих и даже вызывающий эпатаж, — определяете стиль жизни?

— По определению Гарика Сукачева, я — в проценте. Попробую объяснить. 99 процентов людей не дышат полной грудью, а мы — 1 процент — дышим. Мы живем в проценте. Причем, это не обязательно актеры и музыканты. Среди нас есть врачи, актеры, риэлторы, водители трамвая. Жизнь в проценте не связана ни с какими идеологическими и материально-философскими установками. Это, скорее, состояние психики.

— Что значит дышать полной грудью?

— Это крайность, но разумная. Попробовать глобально все понять. Хотя, конечно, все понять невозможно. Словом то, что тебе интересно. Как в песне «любить, так любить, летать, так летать, стрелять, так стрелять».

— Так вы, оказывается, счастливый человек?

— Если человек признает себя таким, каков он есть, то он начинает дышать полной грудью. Я такой, каков есть. Я — Иван Охлобыстин. Самообразованец, материально не обеспеченный, с придурью, энтузиаст.

— Неужели мало зарабатываете?

— Относительно, но меня это не особенно волнует. Волнует только, поскольку надо покупать памперсы для моей маленькой дочки. А вообще-то, все не купишь и всех денег не накопишь. Моя жена, Оксана, так же относится к этому спокойно.

— Что означает для вас свобода?

— Делать, что хочу.

— Вы сейчас именно этим и занимаетесь?

— Не совсем. Вынужденно теряю свою режиссерскую подго-товку. Я уже об этом говорил. Но в ближайшем будущем надеюсь все наверстать.

— К звездности относитесь спокойно?

— Если она есть, то это клево. Если нет, то зачем жеманничать. Мне не свойственно состояние звездности, я прагматик. Кто может по-настоящему во всем мире похвалиться звездностью? Шекспир, Пушкин, Толстой, Микеланджело. Настоящих звезд — раз, два и обчелся. Нужно относиться к себе не то чтобы с иронией, а реально. Звезда — это гений. Ну не будет же он стоять перед зеркалом и говорить, что он гений, для него это абсолютная реальность. А человек, который гением не является и стоит перед зеркалом, — это психическая аномалия.

— Какой стиль одежды вы предпочитаете?

— Если мне позволяют средства, то я предпочитаю одеваться в стиле «экоджин»: хлопчатобумажные вещи удобны и практичны. Если мне нужно куда-то пойти, то у меня есть три выходных костюма. Все определяют обстоятельства. Бессмысленно носить смокинг, когда ты работаешь на очистительных сооружениях, и нелепо ходить в грязной блузке, когда ты работаешь с людьми. А в общем, я конформист в быту и готов подчиниться обстоятельствам.

...Ничего не бывает просто так, все предопределено свыше. Это для нас хорошо.

— Ваша речь — непростая, колоритная, яркая. В ней есть и модные, жаргонные словечки. Это что, дань моде?

— Скорее, удобство. Для меня главное довести мысль до собеседника. Бывает, что одно слово сленга заменяет десять обычных слов. Например, очень удобное слово «тусовка» — это и компания, и ресторан, и клуб, и все вместе. Или слово «голимый». Его можно объяснить по-разному. Например, голимо гуляли — это очень гуляли, или голимый дурак. Ха-ха. Я прагматично отношусь к речи. Мне нравится устраивать мешанину: вот есть нормальная речь, и в нее десять процентов сленга и десять процентов велеречивости. Это делает речь колоритной. Нейтральная речь невыразительна.

— Вы могли бы, Ваня, жить за границей?

— Я много ездил по миру. Мне очень понравилось в Германии, Ирландии, Голландии. Постоянно жить там смог бы только, если бы этого потребовали нужды семьи. Но реализовать себя как художник, режиссер, актер и драматург я могу только в России. Мы живем здесь, и это наш мир.

Беседу вела Наталия Александрова.